

*Подготовила Россинская Светлана Владимировна, гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант» МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»
e-mail: rossinskiye@gmail.com*

**Под маской, или Один день из жизни Ивана Андреевича
Литературное расследование биографии баснописца Ивана Крылова
(к 2 февраля - дню рождения поэта)**

Русский писатель - сатирик Иван Андреевич Крылов (2.02.1769 -9.11.1844) оставил после себя громкую славу и россыпь анекдотов. Байки о нем передаются из уст в уста даже спустя 168 лет после смерти. Например, такая:

«...Один раз на прогулке Иван Андреевич встретил молодёжь, и один из этой компании (он его, скорее всего, не знал), решив подшутить над телосложением писателя, сказал: *«Смотрите! Какая туча идёт!»*, а Крылов посмотрел на небо и добавил саркастично: *«Да, и вправду дождик собирается. То-то лягушки расквакались»*».

Кто-то видел в нем странного человека, гениально одаренного комического персонажа. Кто-то - издателя сатирического журнала «Почта духов», переводчика, сотрудника Императорской Публичной библиотеки, Статского Советника, Действительного члена Императорской Российской академии, ординарного академика Императорской Академии наук по Отделению Русского языка и словесности.

В русской литературе Крылов известен прежде всего как поэт и создатель более двухсот нестареющих басен, многие выражения из которых стали крылатыми. Сегодня даже самый необразованный человек, поднапрягшись, запросто вспомнит пару расхожих цитат из его басен. Многие тексты положены на музыку, например, А. Г. Рубинштейном («Кукушка и Орёл», «Осёл и Соловей», «Стрекоза и Муравей», «Квартет»).

Но при этом все равно каждый первый считает, что Крылов был неряхой и обжорой, карточным игроком и лентяем. О том, что это была маска, догадывались лишь самые близкие ему люди. А вот какое за ней скрывалось лицо, не знали и они...

Зато узнали читатели **библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК** и активисты ее **Литературного клуба «Прикосновение»!** Слушатели и зрители (20 человек) представили всего лишь один день из жизни Крылова и получили исчерпывающий ответ на вопросы: может ли человек, рожденный бунтарем, притворяться добродушным шутком? Удалось ли Крылову, надев маску, спрятаться от своей человеческой сути и обмануть других?

Итак...

Ненужные сны

Представьте себе стол, обтянутый зеленым сукном. Сукно заляпано воском, на нем мелом написаны ставки. Вокруг стола стоят люди с бледными, искаженными ожиданием лицами: большая игра идет второй день подряд, нервы игроков на пределе.

Военные мундиры, гражданские фраки, глаза, полные отчаяния, - здесь собрался лихой люд из тех, кто готов рискнуть последней рубашкой. Банкомет записывает ставки, из рук в руки переходят целые состояния.

- *Дама бита!* - Банк мечет отставной чиновник **Иван Крылов**. Еще одна ставка - и он поймет, на чьей стороне фортуна: или ему достанется куш в тридцать тысяч рублей, или он проиграет, и тогда хоть пулю в лоб - в его кармане шаром покати, оплатить проигрыш нечем. Крылов тряхнул головой, еще раз взглянул на свои карты, протянул руку к тузу...

...И проснулся - большие настенные часы гулко пробили девять раз. Пора вставать и идти на службу, в Императорскую библиотеку.

Иван Андреевич Крылов тяжело поднялся с постели, накинул на широкие плечи драный шлафрок и зашлепал босыми ногами по паркетному полу: на столе стоял кувшин с квасом, и он налил себе полный стакан.

Что за мерзкий сон ему снился нынешней ночью! Теперь он - знаменитость, его баснями зачитывается вся империя. Он свой человек при дворах вдовствующей императрицы и великого князя **Михаила**, да и государь к нему благоволит: выслушав его последнюю басню, **Николай I** милостиво улыбнулся и сказал: *«Пиши, старик!»* Он пожалован чином и орденами, фортуна наконец ему улыбнулась...

Почему же поутру так щемит сердце, когда ему снятся глупые, ненужные сны: карточная игра на ярмарках, по которым он разъезжал в былые годы, возя в дорожном саквояжике запечатанные колоды; только что сверстанные листы журнала, полного совершенно непозволительных, на его теперешний взгляд, колкостей в адрес высоких особ.

Порой снится другое, и тогда он просыпается в слезах: зал, оклеенный обоями в голубых цветочках, барышня со строгим лицом и он сам, тяжело поднимающийся с колен. Молодая особа только что сказала ему «нет».

- Вы мне милы, но я никогда не выйду за вас замуж. У вас, Иван Андреевич, совсем нет средств, мое приданое невелико. Давайте останемся друзьями...

Что может быть нелепее плачущего старика, да еще такого, как он: рослого, грузного, нечесаного и неприбранного?

Подай мне поскорее Гомера, Еврипида или Ксенофонта!

Иван Андреевич оглядел густо покрытую пылью и птичьим пометом комнату, вспомнил, где лежит мешочек с зерном, и щедро посыпал ковер пшеном. Потом открыл окно - у голубей и синиц тоже должен быть завтрак. Птицы слетелись с радостным чириканьем, перелетали с полки на полку.

Полюбовавшись ими, Крылов отправился в столовую. Там уже хлопотала кухарка, растрепанная толстуха средних лет. Она накрывала на стол, и при виде дымящейся кастрюли у Крылова потекли слюнки.

В кастрюле томится то, что для него лучше любого трюфеля: круто сваренная гречневая каша, заправленная мозгами и рублеными яйцами, и он съест ее всю, не оставив голубям ни крошки. Крылов крякнул, сел за стол и выбросил из головы докучливые сны: завтрак - серьезное дело, и он не собирался портить аппетит, размышляя о разном вздоре.

Идти на службу было недалеко: он жил на казенной квартире. Та находилась прямо в большом помпезном здании Императорской публичной библиотеки, основанной еще при **Екатерине Великой**. Государыня очень заботилась о народном просвещении и даже подарила библиотеке дорогой английский телескоп; немалые суммы на нее отпускали и **Павел**, и **Александр I**.

При новом государе дела идут и того лучше: на библиотечных полках все больше книг, ассигнования растут. А ему, сколько бы ни было в библиотеке читателей, всегда удастся выкроить пару часов для крепкого дневного сна. Чудесную службу сосватал ему **Алексей Николаевич Оленин**, его покровитель и верный друг.

Крылов зачерпнул полную ложку каши, положил ее в рот и одобрительно засопел, глядя на **Фенечку**. Друзья пеняли ему на то, что стряпает она из рук вон плохо и совсем не прибирается в комнатах, но он был неприхотлив в еде, а на беспорядок не обращал внимания.

О Фенечке рассказывали разное: кое-кто уверял, что она растапливает печь томами греческих классиков. Говорили и другое: книги у Крылова-де так засалены, что он приучил кухарку различать их по пятнам па переплете. Стоит ему сказать: *«Подай мне поскорее Гомера, Еврипида или Ксенофонта»*, как Фенечка приносит ему нужный том. Кухарка была беззлобной и услужливой женщиной, но те, кто часто бывал в этом доме, ее недолюбливали. Некоторые даже дивились тому, что Крылов еще жив.

Они цитировали самого Крылова: один раз, пообедав, он был поражен дурным вкусом пирожков, открыл крышку кастрюли и увидел, что она вся зеленая от плесени. «Я, - говорит, - и подумал: ведь уже восемь их съел, и ничего, дай попробую остальные восемь проглотить, увидим, что будет. Так вот, до сих пор живу».

На этот раз плесени в кастрюле не оказалось, и он съел всю кашу, закусил ее миской кислой капусты, выпил квасу, затем - большой чайник китайского чая, после чего отправился на службу.

Жизнь удалась

Ему предстояло выдавать читателям книги и заполнять каталожные карточки: обязанности были нетрудными.

В библиотеке он собирался пробыть до двух часов дня, а затем его ждало важное событие: старый знакомый **Александр Михайлович Тургенев**, бывший казанский и тобольский губернатор, директор Медицинского департамента, давал в его честь обед. Это повелось издавна и продолжалось из года в год.

Меню было известно заранее. Терпкие, словно ледяной зимний ветерок, соленья и моченья, хрустящая жареная индейка, нежные телячьи отбивные и страсбургский паштет, который по своему секретному рецепту сделает повар Английского клуба **Федосейч**. А на десерт - его же гурьевская каша, приготовленная на каймаке, сливках, снятых с топленого молока.

... Слава пришла к Крылову с опозданием, но она с лихвой искупила все, чем жизнь обделила его в молодости.

Расстегнувший фрак и распутивший галстук библиотекарь тихо посапывал на казенном диване, переваривая завтрак и готовясь к обеду. Читателей в библиотеке не было, каталожные карточки могли и подождать. Жизнь удалась!

Как же славно помахать кулаками!

Время, когда он, молодой и голодный, пытался пробить себе дорогу лбом, осталось в прошлом и забылось. Кто наголодался в юности, никогда не наестся досыта, а его юность была голодной, холодной, унижительной. Порой приходилось прислуживать за столом в доме, где он из милости учился с хозяйскими детьми. Разве мог он тогда подумать, что спустя несколько десятков лет столкнется на Невском с самим императором и тот по-свойски, по-домашнему его окликнет:

- *Ба, Иван Андреевич! Давно не виделись.*

А он ответит царю в таком же тоне:

- *И то верно, государь. А ведь, кажись, соседи...*

Он полулежал, откинувшись на подушки, то проваливаясь в сон, то возвращаясь в легкую, граничащую с бодрствованием дрему. То, что мелькало перед его глазами, на этот раз было приятным: он видел пыльные улочки Яицкого городка, где служил его отец-офицер; мальчишек, с которыми играл в царевых солдат и пугачевцев.

Если бы не отцовские храбрость и упрямство, Яицкий городок не устоял бы перед Пугачевым. Мать вывезла его из городка перед самой осадой, спрятав в большой глиняной корчаге. Они укрылись в Оренбурге, вскоре Пугачев осадил и его. Говорили, что в его походной канцелярии была оставлена подробная роспись, кого из дворян на какой улице повесить. В этих списках была и капитанша Крылова с сыном.

Отец не получил ни чинов, ни наград: со службы он уволился в том же капитанском звании, служил в Тверском магистрате и умер в бедности. Мать осталась с двумя детьми на руках, тогда-то и начались его чиновничьи мытарства.

В одиннадцать лет Ваня начал служить подканцеляристом, перебивался с хлеба на квас, каждую заработанную копейку приносил домой.

...Крылов дремал и видел низенькие неприбранные комнаты тверской казенной палаты и испитые рожи приказных, рыночную площадь в ярмарочный день и удалых мещан, со всей мочи засаживающих друг другу в грудь и голову пудовые кулаки.

В те годы он был без ума от уличных боев и часто сам становился в стенку: грудь у него была широкой, кулаки - железными, от его ударов летели наземь лучшие городские бойцы. Крылов снова провалился в сон и увидел растерянную физиономию высоченного, широкоплечего купчины: этот малый держал в страхе весь город, а он, четырнадцатилетний, сейчас ударит его по уху и собьет с ног. Ух, как это было хорошо, как же славно вновь помахать кулаками!

Спектакль в духе Франсуа Рабле

Но возвращение в прошлое не состоялось. Зазвонил колокольчик. Это значило, что в его царство заглянул докучливый посетитель, которому понадобилась книга. Крылов встал, оправил фрак и направился в читальный зал: ничего, скоро присутственные часы закончатся. Тогда придет время обеда.

В доме Александра Михайловича Тургенева кипела работа: там натирали воском полы, накрывали огромный стол. Главное происходило на кухне: у огромной, выложенной из немецких кирпичей плиты ключница **Александра Егоровна** колдовала над индейкой, повар Федосеич украшал маслинами страсбургский пирог - циклопическое сооружение из свежайшего сливочного масла, трюфелей и гусиных печенок, увенчанное короной из прозрачного желе и зелени.

Александр Тургенев принимал Крылова каждый год, на званый обед собирались лучшие люди Петербурга. Здесь был свой ритуал: сначала Крылов прочтет несколько новых басен - и сделает это бесподобно, заткнув за пояс лучших актеров.

Затем все проследуют в столовую, и там начнется главная часть спектакля: почетный гость будет есть - неторопливо, но со сноровкой Гаргантюа. Он проглотит блюдо расстегаев, три-четыре тарелки ухи, несколько огромных отбивных и, по меньшей мере, половину жареной индейки.

Отобедав, Крылов задремлет и станет тяжело сопеть, развалившись в покойных креслах, - в ответ на обращенные к нему вопросы раздастся лишь невнятное бормотание. Но тревожить его никто не решится: в Петербурге уважают привычки знаменитого баснописца.

Назавтра весь город станет пересказывать крыловские словечки и шутки, история о мгновенно опустевшем блюде с расстегаями превратится в легенду.

...Обед прошел так, как проходил всегда, - хозяин и гости остались довольны.

Для начала Крылов прочел свои басни, и публика дружно ему аплодировала: позже все сошлись на том, что маститому автору особенно удались реплики лисы. Когда подошло время обедать, Крылов заволновался, но все же уступил дорогу дамам. Он уселся на почетное место, заткнул за воротник салфетку - и начался спектакль, которого все ждали.

После обеда Крылов, по обыкновению, дремал, а гости вполголоса обменивались впечатлениями. Кто-то рассказывал, что царскими обедами, которыми баснописца потчевали при дворе вдовствующей императрицы **Марии Федоровны**, он остался недоволен: пирожки с горошину, суп жидкий, да и вино оказалось неважным. Крылов решил, что дворцовая прислуга ворует и продает на сторону, шепнул соседу: *«Плохо царей наших кормят. Надувательство кругом»* - и изо всех сил приналег на императорское жаркое.

Его пытались остановить: *«Уймись, братец, откажись от этого блюда. Дай государыне тебя попотчевать!»* Но он ничего не желал слушать: *«А ну как не попотчует?»* - и уплетал мясо за обе щеки. И все же Крылов остался голоден. Вернувшись домой, он, по его словам, заел императорский обед миской кислой капусты и черным хлебом.

Следом пошли другие рассказы: кто-то вспомнил, как Крылова в первый раз представили императрице, и тут обнаружилось, что у него прохудился сапог - из него торчал большой палец в носке, и носок тоже был дырявый.

Немедленно всплыла старая история: Крылов наклонился, чтобы поцеловать ручку Марии Федоровне, не удержался, чихнул и обрызгал ей ладонь. Государыня рассмеялась и пригласила его к обеду.

Кто-то рассказал о том, как Крылова окликнул на Невском приятель, сидевший в пролетке:

- *Здравствуй, братец!*

- *Здравствуй, как живешь?*

- *Да вот собрался в Москву. Поедешь со мной?*

Крылов ответил: «*И то дело*», забрался в пролетку и через два дня был в Москве. Его исчезновение всех поразило, пропавшего баснописца искали по всему Петербургу. Никаких дел в Первопрестольной у него не было.

Говорили о том, как благоволит к Крылову государь, жалующий писателя то новым чином, то орденом, то пенсией. А еще о том, что второй человек в государстве, всесильный граф **Орлов** без ума от его басен и собирается оплатить их перевод и издание во Франции и Италии.

Званная встреча шла по раз и навсегда заведенному сценарию: Крылов знал, что ужина не будет, и все же выведывал у приставленного к нему камердинера Ермолая:

- *Ермолаюшка, что с ужином?*

Через несколько часов писатель раскланялся, Ермолай надел на него длинное пальто, закутал шею шарфом, посадил в карету, сказал кучеру, чтобы ехал помедленнее и не растряс седока на брусчатке.

Александр Михайлович, хозяин дома, был рад: обед удался, Крылов уехал домой сытым и довольным. Теперь приедет домой, растянется на продавленном диване среди паутины и пыли, под здоровой, криво висящей, грозящей вот-вот упасть картиной, и сладко захрапит.

Эта картина уже много лет висела «на честном слове» и пугала крыловских друзей. Они уговаривали Крылова вбить в стену еще пару гвоздей: сорвавшись, тяжелая резная рама обрушится прямо на его голову. Но он отговаривался – он, якобы, все рассчитал: картина полетит по касательной и упадет на пол, не задев дивана.

Суций змий!

Своя часть славы после званого обеда досталась и Тургеневу. Не зря он хлопотал изо всех сил, стараясь устроить все как можно лучше и на ходу отвечая осаждающей его расспросами пятнадцатилетней племяннице.

- *Дядюшка, Иван Андреевич всегда был таким толстым?*

- *Ну что ты, душенька, в молодости он был знатный молодец, хоть сейчас в конную гвардию.*

- *Но ведь он, наверное, и тогда был таким же добрым?*

Тургенев на секунду задумался и ответил расплывчато и невнятно:

- *Ну да, конечно, Иван Андреевич всегда был очень добрым. Хотя и не таким добрым, как сейчас.*

Александр Михайлович был честным человеком и не любил лгать: ему было отлично известно, что в молодые годы Крылов славился неуживчивым характером и острым языком: второго такого язвительного журналиста в Петербурге не было.

Он приехал в столицу из провинции совсем зеленым юнцом, в шестнадцать лет опубликовал пьесу, и ее тут же поставили в театре. Потом написал пьесу-памфлет, в которой высмеял знаменитого драматурга **Княжнина**, а затем пустил по рукам письмо, где был выставлен в дураках начальствовавший над театрами генерал **Соймонов**, - тот отказался ее ставить, и молодой литератор его наказал.

Крылов издавал журналы, где сильно доставалось властям. С ним беседовала сама императрица: она предложила ему на пять лет уехать из страны, попутешествовать, пополнить образование - деньги даст правительство. Но Крылов отказался.

В молодости Иван Андреевич был сущим змием, вечно недовольным вольнодумцем - но как расскажешь об этом юной девице? Директор Медицинского департамента и сам не понимал, что общего между тем, давним Крыловым и его нынешним знакомцем: любезным, осторожным, не имевшим врагов, ни с кем близко не сходившимся.

Великая крыловская любовь

А племянница Тургенева не унималась. Теперь ей захотелось узнать, была ли у Ивана Андреевича любовь. Услышав вопрос, Тургенев опешил. Об этом говорили разное: он сам слышал, как всезнайка **Булгарин** рассказывал, что великую крыловскую любовь звали **Анной** и она была дочкой небогатых помещиков.

Крылов-де к ней посватался, и ему отказали, но вскоре барышня стала чахнуть от горя. Тогда родители послали Крылову письмо с согласием, а он ответил, что с нетерпением ждет свадьбы, но денег на путешествие в Калугу у него нет - пусть привезут невесту в Петербург. Родители оскорбились, дело заглохло.

Все это было вздором: великая любовь Крылова жила в двух кварталах отсюда и звалась **Екатериной Алексеевной Константиновой**. Барышня Константинова так и не вышла замуж. Екатерина Алексеевна отказала странному молодому человеку, огромному, словно бегемот, неуживчивому, бедному, не имевшему ни знатного родства, ни хороших связей.

Тот долго преследовал ее предложениями руки и сердца, а потом исчез из Петербурга: его журнальное дело вызвало неудовольствие властей и прогорело, господин Крылов канул в безвестность. Он служил секретарем у вельможи, пытал фортуны за карточным столом.

А его дама сердца так и не нашла того, кто был бы ей мил: она три раза отвергла не-суразного сочинителя, и все же Крылов запал ей в сердце. Недотрога отвергла всех женихов, а среди них были и куда более завидные - лихие гвардейцы, красавцы и богачи.

Сейчас она живет с семьей сестры и воспитывает ее детей, а ведь все могло сложиться иначе... У них появился бы свой дом, родились дети, и сердце Крылова не было бы разбито. Он не стал бы прятать свое настоящее лицо за ленью, неряшливостью и обжорством...

Прежде Тургеневу казалось, что Иван Андреевич живет в ладу с самим собой, что он абсолютно счастлив. Сейчас он в этом засомневался.

Негодяи отец и мать бросили на меня бедное дитя...

Вечером к Крылову заглянул старый знакомый, художник из Твери. Он постучал в дверь - ответа не было. Обошел все восемь комнат, удивляясь тому, что в доме нет ни хозяина, ни прислуги, и наконец услышал плач ребенка. Плач доносился с кухни - там-то незваный гость и нашел Крылова.

Тот сидел на простой деревянной скамье и что-то напевал, качая колыбель. Гость изумился, спросил, давно ли Крылов этим занимается. Писатель нисколько не смутился:

- Что ж делать? Негодяи отец и мать бросили на меня бедное дитя, а сами ушли бог знает куда!

Мать вскоре появилась - ею оказалась крыловская кухарка Фенечка. А отца у ее дочки не было, в церковной книге его имя не значилось. Крестил девочку Крылов.

О том, что Фенечкина **Саша** на самом деле - дочка Крылова, в Петербурге не говорил только ленивый. Друзья Крылова пытались возражать: он, мол, сам утверждал, что это не так, но никого не переубедили. Крылов отдал Сашу в пансион, а после того как Фенечка умерла, воспитывал крестницу как родную дочь - выдал ее замуж, дал богатое приданое. Ее дети называли Крылова «дедушкой».

Теперь у Ивана Андреевича был собственный дом, стоял он в первой линии Васильевского острова, да и чин писатель имел высокий. Император пожаловал Крылова в статские советники, дал шеститысячный пенсион, и тот стал штатским генералом.

Выйдя в отставку, жил генерал на покое, ни в чем не изменяя своим привычкам: в его комнате все так же возились синицы и голуби, собирая рассыпанное на ковре зерно, фрак был в пятнах, а домашний шлафрок нестиран и протерт до дыр.

Казалось, он полностью растворился в лени и гурманстве - околелитературные люди поговаривали, что Крылов почти бросил писать, и друзья чуть ли не силком заставляют его сесть за новую басню.

В пламени пожара, или Стать самим собой

Станным казалось только одно: лежебока Крылов не пропускал ни одного петербургского пожара. Ах, как завораживал его вид рвущегося к небу пламени, треск горящего дерева, грохот рушившихся стропил, суета и крики!

Крылов неподвижно стоял, внимательно рассматривая пылающий дом, и думал о своем: было время, когда ему хотелось изменить мир своими сочинениями, потом он пытал фортуна, сражаясь на картах. Стал профессиональным игроком, но через несколько лет карточные баталии ему наскучили.

За карты его в свое время и выслали из Москвы: после того как полиция сделала обыск в доме одного из пользовавшихся дурной славой игроков и нашла коробки с золотыми часами и пухлые пачки банковских билетов, императрица велела генерал-губернатору навести в городе порядок. Тот вызвал к себе самых известных картежников и потребовал оставить Первопрестольную.

Крылову генерал-губернатор **Измайлов** при этом прочел строгую нотацию:

- А вам, милостивый государь, стыдно. Вы - известный писатель, должны были бы сами преследовать порок, а между тем не стыдитесь сидеть за одним столом с отъявленными негодьями.

Тогда ему запретили появляться в обеих столицах.

...С тех пор прошла целая жизнь, и Крылову казалось, что в пламени пожара сгорает все, что придавало ей вкус и смысл: молодость, надежды, любовь, сильные страсти. Рядом с ним падали горящие головни, полицейские пытались отвести его в сторону, но он не уходил.

14 декабря 1825 года он так же стоял перед взбунтовавшимися военными и вглядывался в их лица, а ему кричали: «*Уходите, Иван Андреевич!*» Но Крылов медлил, рассматривая своих знакомых-поэтов - вооружившегося шпагой **Вильгельма Кюхельбекера**, державшего в руках пистолет **Кондратия Рылеева** и пытался понять: правильно ли он жил последние годы или судьба выиграла у него и эту партию?

Было время, когда он шел напролом, не считаясь ни с чем, делая своими врагами вельмож и пользовавшихся всеобщим уважением литературных генералов. Это закончилось плохо - все его начинания потерпели крах; журналы, которые он издавал, закрылись; от бедняка-литератора отвернулась любимая девушка.

Он решил скрыться в счастливой безвестности и поселился в деревне у друга, потом служил секретарем у вельможи. Меланхолия от сельской жизни была такой, что приезжие дамы однажды застали его у пруда совершенно голым, заросшим бородой и с нестриженными ногтями.

Позже он зажег свою свечу с другого конца: вновь поманила литература - и он опять стал писать, для верности надел маску.

На Руси всегда любили юродивых, и он, умный и не слишком добрый человек, сжился с ролью добродушного чудака, нелепого, ничем не смущающегося обжоры. Придуманный им персонаж пришелся ко двору, теперь он мог позволить себе все, что угодно. Можно чихнуть на руку вдовствующей императрицы и прийти в ее покои в дырявых сапогах, запанибрата ответить самому государю.

Странные выходки подчеркивали его дар, а заодно избавляли от ответственности - кому пришло бы в голову упрекнуть русского Гаргантюа в нерадении или необязательности? С ним носились, словно с большим ребенком, и он так к этому привык, что не слишком сожалел об утраченном.

Когда-то он был без ума от прекрасной, умной и тонкой девушки, а потом в его жизни появилась боготворившая доброго барина простодушная Фенечка... Со стороны это, наверное, выглядело нелепо - но таков был его выбор, и он чувствовал себя счастливым.

Из равновесия его выводил лишь вид пожирающего стены и крыши пожара, и он как замороженный смотрел на рвущийся в небо огонь. Тот, кто рожден бунтарем, может сколько угодно притворяться добродушным шутом - он обманет других, но от своей человеческой сути ему не спрятаться. В такие минуты Иван Крылов становился самим собой.

Иногда ему снился заляпанный воском картонный стол и слышались крики: *«Бита! Бита! Ваша карта бита!»*...

Порой он видел во сне зал, оклеенный обоями в голубых цветочках, и барышню со строгим лицом - а наутро не мог поверить в то, что Екатерина Константинова уже который год лежит под гранитным камнем в Александро-Невской лавре.

...Сердце ныло, словно больной зуб, но раз и навсегда выбранная роль заставляла держаться - и он рассказывал байки о заплесневевших пирожках или обедах у императрицы.

Верность привычкам

Умер Крылов в 75 лет, в кругу семьи, обретенной на закате дней. После его смерти говорили, что знаменитый писатель скончался от обжорства: никто не верил в то, что врачи диагностировали двустороннее воспаление легких.

Похороны были пышными. Отпевание и вынос тела происходили в Исаакиевской церкви в Адмиралтействе, а затем через весь Невский проспект мимо Императорской публичной библиотеки погребальная процессия последовала к Александро-Невской лавре.

«Будущее поколение, - писала газета «Северная пчела», - знающее наизусть поучительные рассказы дедушки Крылова, студенты здешнего университета окружили гроб, поддерживали балдахин и несли ордена».

Шеф жандармов граф Орлов, личный друг государя, второй человек в империи, отстранил одного из державших гроб студентов и сам понес его к дрогам.

При сопровождении гроба множество людей следовало за печальной процессией и встречало ее на улицах. Отцы и матери провожали добродушного наставника своих детей; дети оплакивали своего любимого собеседника и учителя, весь народ прощался со своим писателем, равно для всех понятным, занимательным и поучительным.

Крылов своим привычкам не изменял ни в чем. Все свое имущество Иван Андреевич завещал аудитору **Каллистрату Савельеву**, мужу своей крестницы Саши, дочери кухарки Фенечки, - и дом, и капитал, и серебро, и лошадей с экипажами, и право издавать сочинения.

...На вечере в библиотеке прозвучала басня - переделка *«Еще раз о стрекозе...»*, ее прочла **Нина Гусарова**, давняя читательница библиотеки. После познавательной части вечера зрители и слушатели смогли принять участие в концерте, подготовленном певицами **Галиной Коноваловой** и **Лидией Залаевой** под аккомпанемент лучшего гармониста России **Геннадия Ганюшкина**.

Басня-переделка по мотивам И. А. Крылова

Невероятный случай был со мной -
Вчера я встретился со Стрекозой,
Что лето красное пропела.

- Голубушка, жива?

- Жива! И преуспела!
И вот что я узнал про это дело:
Сперва, как помните, тоской удручена,
Явилась к Муравью она.

Просила, плакала:
- Войдите в положение,
Пред вами девушка,
Пред вами Стрекоза.
Пустите до весны на уплотнение,
Поскольку мне зима катит в глаза...

А Муравей, насмешник без души, ответил ей:
- Поди же, попляши!

Крылов на этом месте ставит точку,
А Стрекоза сказала твердо:
- Нет! С моей душой, с моею оболочкой,
Во цвете красоты и лет сдавать позиции?
Не выйдет, не сдаю!!!

И... поползла к другому Муравью.

На этот раз, стремясь достичь удачи,
Она решила действовать иначе:
- Мурашенька, дружок! Вот это встреча!
Вы здесь живете? Домик ничего....
Не правда ли, какой чудесный вечер-
Луна, морозец, волшебство...

И вслед за тем, собрав остаток силы,
Она запела, как могла нежней:
- Где б ты не ползал, друг мой милый,
Ах, полечу я за тобой
Голубкой сизокрылой.

Тут Муравей, от нежной песни млея,
Воскликнул ей:
- Вы - не Стрекоза! Вы - фея!
Входите, ну, что же на ветру стоять?

Что было дальше, вам легко понять.
Сперва она немного поломалась,
Затем вошла на миг...
И навсегда осталась.

Вот эту Стрекозу и встретил я,
Теперь она - супруга Муравья.
Две домработницы стирают, варят, парят,
Супруг до ночи спину гнет,
Супруга целый день поет.

Так время шло, и жизнь течет...

Как только солнце припечет,
Так Стрекозу курорт влечет.
Трещит она весь день супругу:
- Мне сердце судорога свела.
А муж- Жучок, твердит супруге:
-Ну, что ж, возьми путевку
И на юге поправь сердечные дела.

И едет Стрекоза...
Гулянья, танцы, пляжи,
Так много поклонников кругом,
Что муж - Жучок из Носорога
Стал Рогоносиком-Жуком.

А ей-то что, плутовке?
Румяней стала, веселей,
Трещит она с утра до ночи
И распевает, как соловей.

Потомство? – Нет.
Поскольку дети старят.

Друзья! К вам мой прямой вопрос:
-Для блох есть дуст, а чем травить стрекоз?
А?

Литература:

1. **Александров А.** Иван Крылов: Тревожные сновидения/Алексей Александров// Караван историй. – 2010.- № 3. Стр. 228-238.
2. **Гордин М.А.** Жизнь Ивана Крылова. - М.,1985.
3. Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. - Л., 1975;
4. Крылов И. А. в воспоминаниях современников / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. М. Гордина, М. А. Гордина. - М.: Худож. лит. 1982. - 503 с. (Серия литературных мемуаров)

